

„Звѣзды Маньчжуріи“.

О книгѣ разсказов Альфреда Хейдока.

На книжном рынкѣ Харбина только что появилась вышедшая с предисловіем Н. Рериха книга разсказов талантливаго дальневосточнаго беллетриста Альфреда Хейдока «Звѣзды Маньчжуріи». Давно уже отмѣченныя симпатіями читателей и доброжелательным вниманіем мѣстной критики разсказы А. Хейдока впервые выходят в свѣтъ отдѣльным изданіем, что дает возможность судить нѣкоторую общую оцѣнку творчества этого писателя.

Первое, что отмѣчается при чтеніи этой интересной и знаменитой книги, это — как бы видѣніе крыл нѣкой тайны, нависающей над всѣми почти героями разсказов, сведенных в сборник; автор словно подводит своих героев, — а вмѣстѣ с ними и читателей, — к нѣкой чертѣ, за которой должно открыться великое Нѣчто. Это Нѣчто А. Хейдок пишет с заглавной буквы. Но оно (будем слѣдую за автором, можем выдѣлять его Нѣчто) не дается без трудов смертных, без страшной борьбы, без отреченія от всего современнаго, европейскаго, — без гибели.

В погоню за этим Нѣчто устремляется как пресмыщенный благодати жизни, столь доступными для него, американскій миллионер, так и русскій эмигрант, боец гражданской войны, вчера только оттавившій винтовку и шагнувшій в необъятный и непостижимый Китай. Как герои Джека Лондона в снѣгах Клондайка, так герои разсказов А. Хейдока влачат тѣ же цѣпи отщепенческаго существованія в раскаленных песках пустынь и дебрях дремучих тайгов. Борьба за жизнь, в первобытных условіях пробуждает в их душах тѣ чувства, которыя в современном человѣкѣ, живущем в культурных условіях кажутся навѣки уже погребенными.

И отсюда — «смѣщеніе планов», как принято теперь говорить, жизнь навыворот, негатив-

ная психологія с предугадываніем всяческих Нѣчто с заглавной буквы.

Все это, конечно, отнюдь не минус в творчествѣ талантливаго, искренняго и остро чувствующаго А. Хейдока. Тот, кто подумал бы так, лишь показал бы свою отсталость от современности, от проблем, ею выдвигаемых. Не только современное искусство, но и современная наука подходит сейчас к границам и нѣким роковым чертам, над которыми как бы распространяется уже крыло таинственности. Развѣ не вылет оно, скажем, над той областью человѣческаго духа, которую психо-аналитическая школа называет «психологіей глубин» или над послѣдними предугадываніями физико-математических наук?

В этом отношеніи творчество А. Хейдока совершенно на высь запросов времени...

Но, подходя к чертѣ «тайны» истинная наука и мужественное искусство всегда находят в себѣ силы воздержаться от нѣкаго шага, обрушивающаго творца и мыслителя в мистическій трепет в распростертость перед «тайной».

Они не возводят тайну в ранг божества, а штурмуют ее, как вражескую крѣпость, — тараном анализа, скепсиса... Ибо поклоненіе такого рода никогда ничего не раскрывало, а лишь превращало поклоняющихся в рабов. Герои же разсказов Альфреда Хейдока, эти так живо вычерчен-

ные люди, существа без быта и без прочих связей с европейской культурой, — готсы распластались ниц перед любым идиотом любой монгольской кумирни. Не потому ли это, что в своем натуральном евразійствѣ они подсознательно презрѣвают и кровную связь свою с міром этих бурханов и моленен, как на примѣр, художник Багров в замѣчательном разсказѣ «Маньчжурская принцесса»?

В разсказѣ «Міами» есть у А. Хейдока такое мѣсто:

«В каждом селеніи островков, — пишет он, — пожалуй найдется... колдун, потому что даже в самой немудрящей жизни человѣкъ сталкивается с вопросами, гдѣ опыт его недостаточен. Тут на помощь приходит древ-

няя мудрость. Ее вопрошает поверженный в несчастье и получает точные и исчерпывающіе отвѣты, присоединив которые к своей дѣтской вѣрѣ, он начинает чувствовать себя сравнительно сносно. Его же просвѣщенный собрат в подобных случаях стучается лбом с стѣну собственнаго невѣрія и, в большинствѣ случаев, оставляет коротенькую записку: «В смерти моей прошу никого не винить».

Неужели автор этих строк не чувствует, что приведенные выше слова его — лишь попытка оправдать шаманизм или что-то подобное ему, что они, как земля от неба, далеки от просвѣтленной христіанской вѣры в Бога?

А если нѣтъ такой вѣры, то вовсе еще неизвѣстно что лучше оставить ли «коротенькую записку», или идти на поклон к «колдуну»... Опустошенній египетскій Ставогин предпочел первое — герои же г-жи Блаватской не переносятся для европейскаго сознанія.

И все же мы вполне согласны со словами Н. Рериха в предисловіи к этой волнующей книгѣ, что в разсказах А. Хейдока «вниманіе останавливается на чертах больших реальностей, которыя уводят вниманіе читателя в область высоних представлений».

Таким именно является, например, очаровательный разсказ «На путях извилистых, в котором повѣствуется о человѣкѣ, нешедшем свое маленькое счастье и отвергшем его ради иных великих поисков. Или в прекрасном финалѣ разсказа «Храм снов» когда герой находит в себѣ силу отказаться от сладкой восточной нирваны грез и сновидѣній во имя живой любви.

Изумительно хорош разсказ «Кабан», очаровывающій гонкостью психологическаго рисунка красотой стройнаго словеснаго оформленія. Почти также хороши: «Нецѣненная добродѣтель», «Собаки воют» и «Шестіе мертвых». Писатель-психолог и пролет спорят в них и трудно сказать кто побѣждает! Освобожденный от тенденціи распространяться перед «тайнами» Востока, автор являет себя художником подлинно больших возможностей.

А. НЕСМѢЛОВ.